

связь, с предметом надо было сродниться, сжиться, чтобы ввести в поэзию этот незаезженный образ. Естественно предположить, что это была торговая среда. В этом окончательно убеждает сопоставление «гостинного сына» с «дорогим штофом на золоте». Здесь мы встречаемся с самоутверждением класса. Если о дорогом штофе — гостинном сыне — говорится наряду с атласом и бархатом, т. е. с князем и боярином, то этим самым буржуазия заявляет свои притязания на важную роль, как бы предлагая феодальному классу потесниться и признать третье сословие заслуживающим равного внимания.

Гостинный сын в данной песне не только в высшей степени активен; более того, он даже дерзок, но нашла коса на камень: красна девица любит другого.

Ах, девица отказала молодцу:
 Право, есть у меня получше тебя,
 Двое, трое сокрушаются,
 К себе в гости дожидаются;
 Из троих я одного друга люблю,
 Я в гостинный двор пойду,
 Итальянский ему плат куплю.
 Стану, стану друга даровать,
 Подаривши, другу выговорю:
 Ты умей, душа, дары принимать,
 Ты умей, радость, отдаривать.

Как мы видим, «камочка» не дала «дорогому штофу на золоте» развертывать ее до конца, увидеть «все узоры узорчатые», «все круги позолоченные»; несмотря на решительность своих действий, гостинный сын, взявший «волюшку», сжимавший девице «белы руки», игриво наступавший ей на ноги и начавший ее «выведывати» и «выспрашивати», узнал только то, что не могло ему прийтись по сердцу. Красная девица — не скромная смиренница, она знает себе цену и чувствует свою силу; князь ли, боярин ли, гостинный ли сын, она выберет того, кого сама захочет. Она не прочь даже похвастаться: «право, есть у меня получше тебя: двое, трое сокрушаются». Не прельстит ее и богатство: она сама может делать дорогие подарки, привозные из за границы, напр. «итальянский платок». Она кого любит, того и будет «одаривать», и определенно указывает, что ее милый должен будет ее за эти подарки достойным образом отблагодарить.